

Несмотря на то, что в интернете бушевали споры, Цзи Исянь не обращал на них внимания. Наконец-то с его руки сняли гипс, и он снова мог свободно двигать рукой, хотя поднимать тяжести пока было нельзя.

Как только его состояние улучшилось, Цзи Исянь сразу же вернулся к тренировкам по вождению. Даже несмотря на лысину на голове, он не обращал на это внимания. Бэнь-Бэнь, узнав, что он сдает на права, боялся, что ему будет скучно, и каждый день сопровождал его.

Цзи Исянь тренировался на втором этапе экзамена, когда внезапно получил звонок от Янь Цзиньюня.

— Исянь... — голос Янь Цзиньюня дрожал. — Дедушка он...

— Что случилось?

— Умер...

— ...

Цзи Исянь не мог вымолвить ни слова.

— Когда это произошло?

— Час назад, — Янь Цзиньюнь сжал зубы, произнося каждое слово. — Я уже еду в главную усадьбу семьи Янь. Я поручил Цинь Чжи забрать тебя.

— Хорошо.

Цзи Исянь никак не мог поверить в то, что произошло. Он не осмелился спрашивать Янь Цзиньюня о подробностях, и только когда приехал Цинь Чжи, он узнал, что случилось.

Оказалось, что старейшина Янь сам решил покончить с жизнью, считая, что жить слишком тяжело и мучительно. Когда сиделка вышла, он сам отключил кислородный аппарат.

Из-за полиорганной недостаточности и отсутствия кислородной поддержки старейшина Янь скончался через полчаса. Говорили, что его лицо в момент смерти было спокойным.

— А Янь Цзиньюнь... — Цзи Исянь беспокоился, сможет ли Янь Цзиньюнь справиться с этим.

Цинь Чжи взглянул на него через зеркало заднего вида и сказал:

— Янь Цзиньюнь не так слаб, как ты думаешь. Не недооценивай его.

— Угу.

Машина мчалась с огромной скоростью, и когда они прибыли в главную усадьбу семьи Янь, весь двор был уже покрыт белыми полотнами. Все слуги были одеты в белые одежды и тихо плакали.

В главном доме готовили траурный зал. Смерть старейшины была внезапной, и все были застигнуты врасплох. Янь Чжихуэй и Янь Минцзюэ уже стояли у входа, повязав траурные повязки.

Как только Цзи Исянь прибыл, слуги, знавшие его, вручили ему траурную повязку. Он молча

повязал ее на голову и вошел в дом.

В траурном зале Янь Цзиньюнь сидел рядом с ледяным гробом старейшины Янь, не проронив ни слова. Цзи Исянь подошел к нему сзади и тихо произнес:

— Янь Цзиньюнь.

Янь Цзиньюнь не обернулся, а схватил руку Цзи Исяня и сказал:

— Исянь, дедушка ушел. Последний человек, который любил меня в этом мире, покинул меня.

Эти слова заставили слезы навернуться на глаза Цзи Исяня. Он не мог представить, как Янь Цзиньюнь, потерявший родителей в детстве, смог выжить в такой среде, полной интриг и обмана, как семья Янь.

И какую роль играл старейшина Янь в жизни Янь Цзиньюня за последние двадцать с лишним лет, что даже этот человек, который никогда не показывал свои настоящие эмоции, в этот момент выглядел таким уязвимым.

Цзи Исянь приблизился к Янь Цзиньюню, мягко прижал его голову к своей груди и утешил:

— Все будет хорошо. У тебя есть я. Впредь я всегда буду рядом.

Что такое потеря близкого человека, посторонние люди понять не могут. Сколько бы слов утешения ни произносили, они все равно будут бесполезны.

Семья Янь в Пинбэй считалась одной из самых влиятельных. Как только весть о смерти старейшины Янь разнеслась, множество людей пришло выразить соболезнования. Янь Чжихуэй, как сын, встречал гостей у входа. Янь Цзиньюнь, из-за своего состояния, оставался в траурном зале. Цинь Чжи, как близкий друг Янь Цзиньюня, тоже не ушел.

Весь дом был наполнен плачем. Родственники семьи Янь прибыли один за другим, и каждый, входя, начинал плакать, независимо от того, были ли их слезы искренними.

Когда наступила ночь, Янь Цзиньюнь уже провел в траурном зале весь день. К этому времени большинство гостей ушли ужинать, но Янь Цзиньюнь, не в силах есть, оставался в зале.

Старый дворецкий принес еду и, войдя в зал, сначала поставил поднос в сторону, затем опустился на колени перед ледяным гробом, поклонился старейшине Янь, сжег бумагу и зажег благовония, прежде чем подняться и уговаривать Янь Цзиньюня поесть.

— Второй молодой господин, поешьте немного. Это радостная смерть, теперь старейшина не страдает.

— Дядюшка Цянь, я не могу есть, — Янь Цзиньюнь покачал головой. Он действительно не мог проглотить ни кусочка. — Не беспокойтесь обо мне. Исянь, иди поужинай.

Цзи Исянь тоже провел весь день с Янь Цзиньюнем. Когда тот попросил его поесть, Цзи Исянь покачал головой:

— Я тоже не голоден. Я останусь с тобой.

— Молодой господин Исянь, — старый дворецкий протянул поднос Цзи Исяню, с добродушным выражением лица. — Уговорите второго молодого господина съесть хоть немного.

Цзи Исянь взял поднос, но, коснувшись его, почувствовал, что под деревянной поверхностью что-то спрятано. Он взглянул на старого дворецкого и, увидев его улыбку, сразу все понял.

— Хорошо, когда он немного успокоится, я уговорю его поесть хоть немного.

С этими словами Цзи Исянь отнес поднос к столу в углу, быстро вытащил конверт из-под него, сложил его несколько раз и спрятал в карман, затем, сделав вид, что ничего не произошло, вернулся к Янь Цзиньюню.

— Поешь немного. Человек — это железо, а еда — сталь. Похороны дедушки продлятся еще несколько дней, не изнуряй себя, — сказал Цзи Исянь, подмигнув Янь Цзиньюню.

Янь Цзиньюнь, заметив легкую улыбку на лице Цзи Исяня и вспомнив, что еду принес доверенный человек старейшины Янь, опустил глаза:

— Хорошо.

Оба молчаливо договорились не обсуждать это дальше.

После ужина друзья и родственники снова собрались в траурном зале, чтобы продолжить бдение. Среди них были дети братьев и сестер старейшины Янь, которые, увидев, как долго Янь Цзиньюнь провел в зале, пожалели его и предложили отдохнуть.

Янь Чжихуэй, играя роль доброго дяди, тоже сделал вид, что беспокоится о Янь Цзиньюне:

— Цзиньюнь, ты сам не в лучшем состоянии. Я слышал, ты недавно снял гипс с ноги. Иди отдохни, бдение оставь нам.

— Да, Цзиньюнь, послушайся дядю. Твое здоровье важнее всего.

Многие родственники и друзья уговаривали его, считая, что Янь Цзиньюнь, сидящий в инвалидном кресле, и Цзи Исянь, который недавно выписался из больницы после падения с эскалатора, оба еще не оправались от болезней, и их здоровье может не выдержать.

В конце концов, Янь Цзиньюнь с неохотой согласился вернуться домой. Янь Чжихуэй, желая подчеркнуть свой образ доброго дяди, даже специально отправил машину, чтобы отвезти Янь Цзиньюня и Цзи Исяня домой.

Когда они прибыли домой, Цзи Исянь сразу же достал письмо из кармана и передал его Янь Цзиньюню:

— Это письмо я нашел под подносом, когда старый дворецкий принес еду. Думаю, оно для тебя.

Янь Цзиньюнь взял смятый конверт, на котором было написано: «Цзиньюню». Почерк явно принадлежал старейшине Яню.

Открыв конверт, он обнаружил письмо, оставленное старейшиной Янем.

«Цзиньюнь, мой дорогой внук, когда ты прочитаешь это письмо, я уже буду с твоими родителями. Прости меня, мой хороший мальчик, я больше не смогу быть с тобой. Теперь тебе предстоит жить одному, но ты такой талантливый, я уверен, что не буду за тебя беспокоиться.

Я прожил долгую жизнь в бизнесе, никогда не совершал подлых поступков и всегда считал

себя здравомыслящим человеком. Но иногда судьба любит подшутить, и именно тогда, когда я уже не мог действовать, она открыла мне некоторые вещи.

Сначала я не хотел верить, думал, что это все недоразумения, что есть объяснения. Но в конце концов мне пришлось признать правду. Но что толку от этого признания? Я все равно не смог защитить тебя. Согласие на подмену в семье Цзи не означало, что я сдался или считал тебя неудачником. Это было единственное, что я мог сделать, чтобы ты остался в безопасности.

Старший сын семьи Цзи, хоть и глуп, но иногда глупость может быть полезной. Слишком умные люди не всегда счастливы. Я надеюсь, что даже если ты будешь чувствовать обиду, не переноси ее на Цзи Исяня. Этот мальчик тоже несчастен.

Я знаю, что ты по натуре боец и, как твой отец, умеешь терпеть и планировать. Вы с отцом очень похожи, и я не хочу, чтобы ты повторил его путь. Борьба за власть в семье Янь достигнет пика после моей смерти. Я знаю, сколько акций у тебя на руках».

<http://bllate.org/book/16731/1539121>